

Отношение алтайцев к деньгам в целом можно охарактеризовать как метафизическое и материалистическое. Деньги выступают не только в качестве одного из инструментов поддержания жизнедеятельности, но и как механизм поддержания различных социальных связей. Деньги не являются истинным богатством, а потому деньги – бумага, а человек – золото.

Отношение к истинному богатству – а это скот, здоровье, долголетие, многочисленное потомство – аналогично отношению к *кула* (Малиновский 2004: 505–512). Оно основано на экономических, магических и ритуальных представлениях и действиях.

Примечания

¹ Сообщение информанта Ч.Э., 1961 г.р. Записано в мае 2007 г. в г. Горно-Алтайске Республики Алтай.

² *Ак мал* означает не только и не столько скот белой масти, сколько принадлежность его к среднему, лунно-солнечному миру, *Ак Алтаю* – одному из четырех областей традиционной алтайской географии. (Различают *Ак Алтай* – "белый Алтай" – это территории на юго-западе современной Республики Алтай, *Аба Ыши* – "отец черневая тайга" – север, *Ак Чолушпа* (белая Чолушпа) – восток и *Эре-Чуй* – юго-восток. Об этом см.: Никифоров 1995: Примеч. 1 на с. 29). Кроме того, *ак мал* – это совокупность трех видов скота, разводимых алтайцами – лошадей, овец, коров, считающихся подарками божеств. В совокупность *мал* могут включаться также верблюды, яки, козы, но эти животные не являются "белыми", т.е. богоданными.

³ Информант Ш.Л., 1962 г.р., сеок толос, уроженка Онгудайского р-на, проживает в Горно-Алтайске. Сообщила со слов матери, проживающей в с. Улита указанного района. Запись сделана в августе 2007 г.

Литература

- Анохин 1927 – Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 162–167.
 Бродель 1986 – Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII века. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. Т. 1; Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Игры обмена. Т. 2. М., 1988.
 Калачев 1896 – Калачев А. Поездка к теленгитам на Алтай // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. 3–4. С. 477–488.
 Малиновский 2004 – Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. М., 2004.
 Никифоров 1995 – Никифоров Н.Я. Анонский сб.: Сб. сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина. Горно-Алтайск: изд-во "Ак Чечек". 1995.
 Потанов 1953 – Потанов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.

ЭО, 2009 г., № 2

© М. С. Романова (Сайдукова)

ДЕНЬГИ В БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Роль денег в культуре – самостоятельная этнографическая и философско-этнологическая проблема. Не претендуя на ее исчерпывающее освещение, обратимся к сюжетам бурятской истории и современности, так или иначе связанным с деньгами. История бурятского, или бурят-монгольского, народа тесно связана с историей всего Монгольского мира. Фактически, говоря о бурятской истории, мы говорим о монгольской истории. Поэтому в статье будут использованы как общемонгольские, так и бурят-монгольские (бурятские) примеры.

Русское слово "деньги" произошло от монгольского *мунгэ*. В своем первом буквальном значении *мунгэ* – "серебро". В современном бурятском языке, как и в других монгольских языках, до сих пор актуальны оба значения: и серебро, и деньги. С первым словом в любой этнической культуре Центральной Азии, в частности монгольского мира, связано много не только повседневных, профанных, но и сакральных практик. В бурятском героическом эпосе "Гэсэр" слова "серебро", "серебряный" встречаются более 200 раз.

Чаще всего "мунгэ" употребляется в сочетании с прилагательным "белый" – не только в буквальном смысле, как в словосочетании *саган ханатэ хуун* ("светлый человек", или буквально "человек с добрыми намерениями")¹, но и в значении "светлого", "чистого" металла. Одна из монгольских денежных единиц – *цалин* – представляла собой серебряную монету. Полное ее название – *цалин цагаан монга*, что буквально значит "белая серебряная плата"². Из серебра не только изготавливали монеты и ювелирные украшения, но и делали фигурки ритуального предназначения, применявшиеся в шаманских практиках. Кроме того, они имели охранительную функцию. Особые химические свойства серебра позволяли использовать его для очищения воды, например той, в которой купали младенца. Интересно, что сегодня в современных, совершенно иных гигиенических условиях серебро кладется в ванну перед купанием младенца. При этом образованные бурятки говорят, что "ионизированная серебром вода полезнее воды, очищенной марганцовкой, которая сушит кожу ребенка". Более того, сакральный смысл имеет и вода, очищенная при помощи серебра.

У бурят-монголов эпитетом высокородных было выражение "белая кость"; путникам желали белой дороги, белым цветом помечали северную сторону юрты, где размещали божницу. Серебряные монеты часто служили женскими украшениями, будучи одновременно и знаком социального отличия, и символом благополучия. Они выполняли также функцию оберега. Обилие серебряных украшений у буряток – женский серебряный гарнитур мог весить 4–5 кг – имело свое рациональное объяснение. Кочевники каждые 10–12 лет теряли целые стада скота в результате засухи в степи, поэтому всякий стремился вложить деньги во что-то компактное и одновременно ценное, в то, что можно было при необходимости продать.

Слово "мунгэ" встречается и в шаманских названиях духов-хозяев рек и *аршанов* – минеральных источников. Так, в одной из легенд говорится об Ангарайн амане эзэн – духе-хозяине истока Ангары. В первом варианте бурятской мифологии хозяином истока р. Ангары считается Буга-Сагаан-нойон, во втором – Гуртэ-Сагаан-заарин, в третьем – Ама-Сагаан-нойон – мунгэтэ заарин. *Буга* дословно означает "олень", "изюбр", *гуртэ* – "со снедью", *мунгэтэ* – "с деньгами", "денежный", "богатый". Прилагательное "белый" часто встречается в именах духов-покровителей. Так, кударинские и ольхонские буряты считают хозяином оз. Байкал Дайр саган нойона с женой Далабшата саган хатан (*Жамбалова* 2000: 198). Таким образом, можно сказать, что деньги – "мунгэ" в бурят-монгольской культуре, с точки зрения семантики, слова имеют в целом позитивные коннотации, что отражается как в обыденной жизни, так и в языке и мифологии народа.

Известно, что эквивалентом денег у бурят-монголов в разные периоды истории служили слитки серебра, плитки зеленого и черного чая, рулоны шелка, или *торго* (в пер. с монг. – *шелк*), шкурки животных, крупный рогатый скот и т.д. В 1892 г. А.М. Позднеев писал, что один-два листа чая у монголов равнялись 16–32 руб. (*Позднеев* 1896: 124). В результате ликвидации запретительной системы в начале XIX в. торговая деятельность бурят была законодательно разрешена и быстро расширялась. До этого времени торговля с инородцами являлась монопольным правом казны. Важную роль стали играть ежегодные ярмарки, наряду с которыми получила развитие так называемая мелочная торговля, связанная с продажей товаров непосредственно в бурятских улусах.

В своих записках У.-Ц. Онгодов пишет, что при отсутствии денег торговцы охотно забирали у должников продукты домашнего хозяйства. Так, с евреями агинские буряты обычно рассчитывались скотом, кожей, салом, маслом, а также изделиями кустарного производства (веревки, вожжи, треноги). Китайцев же интересовала мерлушка, панты, пушнина (шкуры белок, хорьков, лисиц) (Онгодов 1884: Л. 6–7).

Иногда эквивалентом денег у монголов и, соответственно, у бурят-монголов служил скот, измерявшийся в *андзу* (размер андзу – от 150 до 300 голов крупного и мелко-го скота) (Тридцать андзу... 1965: 50). Согласно памятнику монгольского феодального права XVIII в. "Халха Джирум", в 1709 г. с нойона (начальника, главы рода), совершившего прелюбодеяние с женой простолодина, взыскивалось 150 андзу. Долгое время, вплоть до конца XIX в., в качестве обязательного элемента брачного договора в бурят-монгольской культуре сохранялся обычай калыма, который выплачивали скотом. О размере его Поль Лаббе сообщает: "Калым рассматривается уже как хороший, если он состоит из пятидесяти быков и пятидесяти баранов; встречается калым в триста или четыреста голов скота" (Labbe 1906: 52).

Количеством скота определялся, а в монгольской и тибетской культуре до сих пор определяется уровень состоятельности человека. Так, путешественник И. Картэн упоминает в книге "Путешествие в Южную Сибирь" о богатых бурятах, в быту которых, по его мнению, переплетались русский и старобурятский образ жизни: "Богатство хоготских братьев Александровых происходит главным образом от разведения крупного рогатого скота и лошадей и от дачи денег в рост под высокие проценты" (Curtin 1909: 58). Другой богатый бурят, Архоков, живший неподалеку от Баяндая (Иркутская обл.), похвалялся иностранцу, что "имеет несколько тысяч голов скота, четыреста великолепных лошадей, пятьсот овец и вдоволь коз, сто тридцать тысяч рублей в Иркутском банке, много домов и большие пространства ценной земли. Он был влиятельным человеком, так как имел деньги для дачи в рост" (Там же: 80).

В периоды общественно-политических кризисов, когда старые деньги обесценивались, буряты легко переходили на безденежные обмены или товары и продукты, имевшие в регионе статус конвертируемой валюты. Так, в начале XX в. окинские буряты активно торговали с карагасами, доставляя в тайгу продукты и необходимые товары, частично собственного производства: прочные и толстые войлоки из натуральной бараньей шерсти, двойные тяжелые ножи кустарной работы, дымленные овчинные шубы, сыромятная кожа, прочные деревянные чашки китайской работы, бумажная китайская ткань кустарной работы (*далемба*), небольшие походные котлы, охотничьи палатки-*майхан* из китайской *цумбы*, огнива, седла, обитые серебром, бараньи и козьи одеяла. Из продуктов питания это чаще всего были плитки зеленого чая. Окинский бурятский товар, как пишет Петри, был незаменим в тайге: городская продукция быстро снашивалась, а поставляемая окинскими бурятами служила годами (Петри 1928: 49). Расплачивались карагасы с бурятами пушниной. Цены окинских бурят были невысоки и, по сравнению с ценами русских карагасников (купцы, торговавшие с карагасами – тофаларами), являлись вполне приемлемыми. Вот несколько расчетов, засвидетельствованных Петри (Там же: 51):

1 соболь, последний сорт (цена 30 р., 1925 г.)	1 соболь, красный, последний сорт (цена 30 р., 1925 г.)
10 кирпичей чаю – 40 руб.	1 палатка – 10 руб.
6 м трико – 6 руб.	1 тулуп – 20 руб.
2 пуда муки – 4 руб.	2 пуда муки – 4 руб.
1 сыромятная кожа – 8 руб.	
1 далемба – 4 руб.	1 далемба – 4 руб.
Итого товару по расчету на наши деньги – 62 руб.	Итого товару по расчету на наши деньги – 38 руб.

Расценки окинских бурят были заметно выше, поскольку вся пушнина, за небольшим исключением, шла, как показала сойотская экспедиция 1926 г., с Оки контрабандным путем "за границу", в Монголию, где она сбывалась китайским купцам по более высоким, чем в России, ценам. В свою очередь, буряты сами часто расплачивались со своими шаманами шкурками пушных зверей: соболя, норки, лисицы и др.

Вместе с тем, говоря о деньгах в бурят-монгольской культуре, нельзя не упомянуть, что их функцию выполняли и плитки чая – *цыбики*, которыми расплачивались при продаже или покупке скота вплоть до XIX в. При этом желтый чай (тот, который сейчас принято называть черным) ценился меньше зеленого, и плитки его служили своего рода монетами при расчетах, в отличие от зеленого, *цыбики* которого были эквивалентом купюр.

Интересно, что в монгольских языках долгое время бытовало еще одно название денежной единицы – *холс*, что в буквальном переводе означает "плата за пот".

Современные особенности культуры, сохранившиеся в разных формах у разных этнографических групп бурят-монголов, не менее интересны. В *айле* автора (бурят. "род", "семья") до сих пор жив обычай, связанный со свадебной церемонией дарения подарков. Свадьба до сих пор воспринимается в бурятском обществе не только как праздничное событие, но и как финансовое предприятие, призванное обеспечить молодую семью всем необходимым. При этом ни одна бурятская свадьба не обходится без дарения золотых и серебряных украшений. По закону моего айла мои родители должны дарить выросшим детям своих братьев, сестер либо те украшения, которые 15–20 лет назад были подарены им самим, либо их эквиваленты.

Я помню несколько золотых колец, которые моя мама носила, пока мы с сестрой были детьми (и мы с сестрой уже думали о том, кому какое кольцо мама подарит, когда мы вырастем), но позже эти кольца одно за другим вернулись к детям даривших эти украшения родственников. Таким образом, мои родители не только сделали эквивалентный вклад в хозяйство новой семьи, но и соблюли закон, по которому золото и серебро не должны уходить из семьи.

Молодая семья, получившая в подарок от моих родителей золотой перстень, обязана "вернуть" мне его в день моей свадьбы. Я в свою очередь должна отдарить их детей эквивалентом и ждать сопоставимого дара будущей жене своего сына в день их свадьбы и т.д. Чтобы точно знать, кто, сколько и что именно из драгоценных украшений подарил, после свадьбы обычно составляется опись полученных подарков, которая потом хранится в семье. Смысл закона, призванного сохранять золотые и серебряные украшения в рамках семьи, связан не только с экономической целесообразностью, но и со свойствами, приписываемыми бурятской культурой драгоценным металлам и камням. В частности, речь о том, что металлы и камни способны "сохранять" информацию и аккумулировать ее в себе.

Не берусь утверждать, но осмелюсь предположить, что таким образом украшения становятся своего рода носителями духовной энергии рода, которая связывает ее членов между собой и придает им силы в повседневной жизни. С этим связан обычай дарить дочерям на их рождение и совершеннолетие золотые украшения. Они, как правило, долго сохраняются детьми. Считается, что подарок родителей – это не просто украшение, но и своего рода оберег.

В моем *айле* также сохраняется обычай дарить детям серебряные украшения на их первый день рождения. Когда сыну исполнился год, мы с мужем по совету главы рода моей мамы – *нагасы* – подарили ему серебряный кулон (необязательно дарить именно кулон, но необходимо, чтобы подарок был из серебра). При этом дарение кулона сопровождалось особым "мужским" пожеланием: "чтобы сын всегда защищал честь и достоинство своих родителей".

Интересен также сохранившийся обычай дарить деньги маленьким детям. В детстве все мои двоюродные братья и сестры проводили летние каникулы у бабушки и

деда и перед отбытием домой получали от них по 3–5 руб. Также принято дарить деньги детям, которые приходят к вам в гости или когда вы сами приходите в гости к семье, где есть дети. Во многих бурятских деревнях сохранился этикет дарения денег. У эхиритов (рода иркутских или западных бурят) деньги зашивают в лоскут ткани, к которой пришивается веревочка и в виде своеобразного нагрудного украшения надевается на шею ребенку. Этот обычай сохранился не только в бурятской культуре, но принят также в культуре калмыков, алтайцев, тувинцев и, конечно же, монголов. Сохраняется обычай дарения денег и в отношении студентов, и вообще к младшим со стороны старших. Так, моя сестра, которая старше меня на два года, иногда чисто символически, но тем не менее всегда дарит мне деньги накануне моего отъезда или предстоящей далекой поездки.

В Бурятии до сих пор проводятся обряды с непосредственным использованием денег, в данном случае монет. По представлениям эхиритов, дух-хозяйка жилища – *саган монгол-бурхан* – представляется женщиной с детьми. Для того чтобы избавить жилище от чужого духа, желающего поселиться в новом доме, готовят пять сигарет и несколько монет достоинством в 1–2 руб. Затем собирают всю семью. Шаман обращается к сагаан монгол-бурхану с просьбой покинуть дом. После этого в месте, расположенном вдали от дороги и подальше от любопытных глаз, выкапывают ямку, где закапывают сигареты и деньги цифрами вниз (деньги укладываются в таком порядке, чтобы дух не узнал реальную сумму предлагаемых ему денег). Потом вновь обращаются к духу со словами: "Тысячу лет будешь здесь находиться, эти сигареты курить, на эти деньги вино покупать" (*Содномпилова* 2002: 145–153). Деньги вместе с сигаретами, табаком, трубкой до сих пор кладут вместе с умершим. Деньги, как правило, монеты, оставляют на *обо*, *аршанах*. За неимением денег или вместе с деньгами на *обо* оставляют сигареты, пищу. Сегодня на *обо* можно встретить наручные часы, серебряные и даже золотые украшения. Мои друзья, ольхонские буряты, рассказывали случай, когда человек проезжал мимо *обо* без денег и сигарет и ему пришлось обрывать пуговицы с куртки и бросать. Таким образом пуговицы, как представляющие некоторую ценность, были использованы в качестве своего рода заменителя денег. Подобную функцию играют деньги и при посещениях бурятами буддийских храмов – *дацанов* и *дуганов*.

Включенное наблюдение, знание обычаев родного народа, изучение исторической и культурологической литературы позволяют говорить о том, что буряты всегда позитивно относились к деньгам и в целом к богатству и богатым людям. Этим отчасти объясняется то, что в современной Республике Бурятия, например, значительную долю в новом слое собственников – частных предпринимателей, банкиров, руководителей коммерческих структур составляют буряты. По данным 1995 г., буряты являются собственниками и руководителями 63 закрытых акционерных обществ (62%), 132 акционерных обществ открытого типа (40%), 4253 товариществ с ограниченной ответственностью (47%). Буряты – хозяева 992 индивидуальных частных, что составляет 52% руководителей всех предприятий данного типа, а численность бурят в общем составе владельцев крестьянских (фермерских) хозяйств достигала 71% (*Хилханов, Хилханова* 2003). При этом необходимо отметить, что доля бурят среди населения республики на момент исследования составляла 26%.

Примечания

¹ Кроме того, слово "саган", или в монгольском языке "цагаан", переводится как "белый", а также "незлопамятный, добродушный, добрый".

² В современном монгольском языке "цалин" употребляется также в значении зарплата, стипендия.

Литература

- Жамбалова 2000 – Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск, 2000.
- Онгодов 1884 – Онгодов У.-Ц. Из Забайкалья. К современным вопросам. О земледелии, скотоводстве и о нуждах. 1884 // Рукописный отдел Института монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–7.
- Петри 1928 – Петри Б.Э. Бюджет карагасского хозяйства. Иркутск, 1928.
- Позднеев 1896 – Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. СПб., Т. 1–2. 1896–1898.
- Содномпилова 2002 – Содномпилова М.М. Семантический аспект выбора места под строительство жилища в бурятской традиции // Культурология традиционных сообществ: Конкурсные работы молодых ученых / Отв. ред. М.Л. Бережнова. Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002. С. 145–153.
- Тридцать андзу... 1965 – Тридцать андзу и тридцать редких вещей бэркэ / Сводный текст и перевод Ц. Жамцарано, введение и примеч. С.Д. Дылыковой. М., 1965.
- Хилханов, Хилханова 2003 – Хилханов Д.Л., Хилханова Э.В. The Changing Dynamics of Language and Ethnic Identity Link by Russian Minorities: the Buryat Case Study // Journal of Eurasian Research. 2003. Vol. 2. № 2.
- Curtin 1909 – Curtin J. A Journey in Southern Siberia. L., 1909.
- Labbe 1906 – Labbe P. Chez les lamas de Siberie. 1906.

Special Section of the Issue Anthropology of Money (guest editor: S.P. Tyukhteneva)

The issue's special section takes on money as an anthropological problem. The problem is indeed anthropological, as the guest editor points out, because money is the object invading and penetrating about every corner of our everyday life. The selection of articles presented in the section is not meant to provide a comprehensive overview of the issue, which would require a much thicker volume, but is intended to contribute to its study by supplying a number of case analyses demonstrating the ways in which the changing attitudes towards money bring about changes in cultural values and social practices.

The research of the kind appears timely, considering that Russia is the country that has only recently entered the wider arena of intricate market games. This entrance has already resulted in the emergence of an array of social phenomena indicating powerful psychological shifts which nevertheless still have not become the object of close scholarly attention. The articles offer data, views, and perspectives that, as their authors hope, can promote more active research on the issue. Natalia Aksenova's article explores "money myths" currently circulating in the Ukraine, while Marina Saidukova's contribution discusses notions of money among the Buryat; Elza Bakaeva examines a particular system of coin-counting that has until recently been practiced among the Kalmyk, whereas Svetlana Tiukhteneva describes the notions of money among the Altai in the past and the present.